

СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА ПРОЗЫ ИГОРЯ ХОЛИНА¹ SURREALISTIC POETICS OF IGOR KHOLIN'S PROSE

Аннотация: В статье анализируется влияние сюрреалистической эстетики на прозу представителя «лианозовской школы» Игоря Холина. Автор приходит к выводу, что реализация сюрреалистического кода в романе «Кошки мышки» происходит за счёт нарушения причинно-следственных связей на всех уровнях текста, языковых девиаций, определяющихся принципом «автоматического письма», потока сознания, полным или частичным отказом от пунктуационной каноничности; использованием «зауми».

Ключевые слова: сюрреализм; алогизм; поток сознания; Игорь Холин.

Abstract: The article analyzes the influence of surrealist aesthetics on the prose of the representative of the “Lianozov school” Igor Kholin. The author comes to the conclusion that the implementation of the surrealist code in the novel “Cat and Mouse” occurs due to the violation of cause-and-effect relationships at all levels of the text; language deviations that determine the principles of “automatic letters”, stream of consciousness; complete or partial rejection of punctuational canonicity; use of “zaum”.

Keywords: surrealism; alogism; stream of consciousness; Igor Kholin.

Исследуя неподцензурную литературу советского периода (второй русский неоавангард), невозможно не отметить наличие в ней концептуальных доминант, характеризующих хаотичное, абсурдное, а порой и сюрреалистическое художественное мировосприятие.

Сюрреализм как одно из ключевых направлений XX века проявился практически во всех сферах искусства, начиная от перформативных практик и заканчивая кинематографом. Однако его массовое распространение обеспечивалось не только введением новых форм конструирования художественного текста – уникальность сюрреализма заключалась в самом видении механизмов, порождающих литературу, индивидуальность и психику. Девальвация рационального начала способствовала развитию интереса к иррациональным структурам, «первоосновам» человеческого бытия. Уже Андре Бретон – один из основоположников сюрреализма – в 1924 году подчёркивает важность нахождения «таинственных сил» в глубинах духа, потенциально способных реконфигурировать лич-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (региональный конкурс Челябинской области), проект № 24-28-20177.

ность. Будучи архитектором и создателем сюрреализма как стиля, художественного направления, Андре Бретон понимал под ним «...чистый психический автоматизм, имеющий целью выразить, или устно, или письменно, или другим способом, реальное функционирование мысли. Диктовка мысли вне всякого контроля со стороны разума, вне каких бы то ни было эстетических или нравственных соображений» [6].

Неподцензурная русская литература советского периода в этом отношении испытала на себе меньшее влияние сюрреалистической эстетики, чем литературы западноевропейских стран, хотя говорить о её тотальной культурной изолированности было бы некорректно ввиду наличия таких феноменов, как самиздат и тамиздат. Исследователи отмечают, что черты поэтики сюрреализма встречаются в творчестве Д. Хармса [3], Н. Гумилёва [5], Ю. Одарченко [2], Г. Сапгира [3, 7] и Г. Айги [7]. Важно указать, что вне зависимости от степени включённости в сюрреалистический контекст – прямой, как в случае с Ю. Одарченко, или косвенной, что можно сказать о Г. Сапгире или некоторых других представителей «лианозовской школы» (И. Холине и Л. Кропивницком), – сюрреалистический код реализуется во многих прозаических и поэтических текстах авторов русского неоавангарда. В рамках алогичного мироощущения экспериментальные образования, характеризующиеся нарушением причинно-следственных связей на всех уровнях произведения, наличием концептуального для сюрреализма мотива сновидений, а также присутствием языковых и синтаксических трансформаций (вплоть до феномена «потока сознания» и «автоматического письма»), во многом определяют прозу Игоря Холина – одного из ключевых писателей «лианозовской школы».

И. Кукулин очень точно выявил специфику холинского текста: «...короткое и внешне бесстрастное описание абсурдного случая или цепочки случаев» [4]. В связи с этими положениями было бы логично проанализировать роман И. Холина «Кошки Мышки» на предмет наличия сюрреалистического начала, способного актуализироваться, как указывают Ю. Б. Орлицкий и Т. Ф. Семьян, за счёт отказа «...от обязательной логической связи элементов» [7], доминирующего ассоциативного компонента и присутствия фантасмагорично-абсурдного сюжета, яркой игровой поэтики [8].

«Кошки Мышки» И. Холина, как нам кажется, можно охарактеризовать следующим образом: роман, стремящийся через декамероновский сюжет в советских реалиях стихией речетворчества разрушить канонические жанровые, сюжетные, языковые, субъектные номинации и представления, деконструировавшись в художественную «метатекстовую» структуру. Ключевым событием «Кошек мышек» является смерть Николая Сергеевича (самоубийцы), разгадать причины которой на протяжении всего романа пытаются персонажи – прямо или косвенно с ним знакомые – вместе с Автором самого текста – создателем и фиксатором происходящих событий. Сюрреалистическая эстетика Игоря Холина реализуется уже в игровом, эпатажном отношении к жанровой номинации собственного текста, который, будучи названным романом, является полиродовым художественным единством. Так, драматургическое визуально-графическое

оформление, реализуемое через последовательность сменяющихся реплик, прозримизируется за счёт ситуативного использования стихотворных текстов, написанных самим И. Холиным и имеющих «аномийное начало»:

«*Волин*. Читайте, молодой человек. Не обращайтесь внимания на их чудачества.

Другой молодой человек. Я приступаю Я немного волнуюсь Я всегда волнуюсь. Я не могу не волноваться. Минутку.

+++

*И жизнь потухшего огня,
И жизнь подохшего коня,
И жизнь разрушенной стены,
И жизнь заглаженной вины...» [9].*

Диалоговое членение в романе может иметь разное визуальное оформление: «*Небритый мужчина*. Кроме шампанского ничего не пили?

– Почему не пили, были ещё коктейли...» [9].

Топологический принцип сюрреалистического кода романа И. Холина реализуется через пространственно-временные деформации и смещения, разрушающие конфликт экзистенциальных оппозиций. Герои одновременно могут находиться в нескольких топосах сразу, существовать параллельно основному развитию действия, что текстуально детерминировано «условностью» происходящего, его художественностью, созданной Автором – текстуально эксплицитным демиургом, наблюдающим, корректирующим, управляющим действием в актуальный момент:

«Оба они как-то незаметно уединились. Происходило это так: с одной стороны они как бы находились *тут*, а с другой *там*; с одной стороны сидели чинно среди гостей, а с другой в той комнате занимались какими-то непотребными делами» [9].

Автоматическое письмо – художественная фиксация потока сознания – являлось важным компонентом сюрреалистической поэтики. Некоторые вставные конструкции в романе Игоря Холина написаны с использованием инструментария, включающего синтаксические и пунктуационные девиации (вплоть до полного отсутствия знаков препинания):

«Планка Абратора
Планка Абратора
Планка Абратора
Ты
Я
Больше никого
Ничего» [9].

Холли – персонаж и альтер-эго Холина (фонетическая авторская игра), которому принадлежит вышеуказанный фрагмент – сам обозначает его как «поток», то есть вербализованное бессознательное. Трансформация «рациональное – сюрреальное» текстуально маркируется в романе смещением или расширением полей родовых границ произведения благодаря, во-первых, сугубо визуально-графическому оформлению текста, а во-вторых, концентрации стиховых содержательных средств (ритму и факультативной рифме).

Игорь Холин в романе пытается переосмыслить литературный феномен «текст в тексте». Развитие сюжета «Кошек Мышек» определяется, в первую очередь, динамикой смещения интенций всех персонажей, стремящихся получить собственное место в произведении, то есть закрепиться в бытии художественного пространства:

«Настасья Петровна. Лучше Кречетова писателя нет!

Маня. Я люблю самоубийцу.

Автор. А я люблю мороженный керосин!

Пётр Петрович. Видите, что я вам говорил. У Автора поехала крыша» [9].

Иногда такое субъектное желание героев вступает в конфронтацию с художественной волей Автора, вследствие чего событийный – запланированный Автором – ряд обрывается «разборками»:

«Пётр Петрович. Вот я опять хочу вам сказать, товарищ Автор, вы нас одёргиваете, не даёте поговорить, заявляете, что мы чуть ли не мешаем писать вашу книгу, что вам нужно развивать сюжет без видимых помех...» [9].

Помимо вышеуказанного, сюрреалистическая эстетика проявляется в романе И. Холина и в языковом регистре текста. Её реализация достигается за счёт обильного использования неологизмов, стилизации под «профанное» или наивное письмо, а также применения «зауми», например:

«– Шеромыжница, – буркнул Пётр Петрович.

– Я не шеромыжница, я мимахурыжница!

*– А я говорю, что речь *Вествежики*, как правило, приводит к *старамуре*» [9].*

Интересен и другой фрагмент, в рамках которого реализуется и поток сознания, и «заумный» язык:

«Автор. Теперь ха-ха-ха! Подверните мне гайку. Разболтались шатуны. Храм хирима хрю. Хря хря! Зимамозу Грипоноза. Минутку. Сейчас продолжу. Самоубийца, бийца, вийца. Он теперь...» [9].

Очевидным является то, что подобные приемы используются И. Холиным в ситуациях концептуально художественных сдвигов, смысловых смещений, возникающих вследствие авторской установки, предполагающей имитацию создания художественного текста внутри него самого. Сюрреалистическое начало в данном романе детерминируется самим художественным мироощущением, предполагающим смешение пространственных, временных, языковых, стилистических и родовых полюсов в рамках одного текста.

Таким образом, можно сделать вывод, что Игорь Холин, хоть и не был напрямую включён в контекст сюрреализма через самоманифестирование или социальные группы, однако испытал на себе косвенное влияние сюр-эстетики, реализовавшейся через сюрреалистический код. Поэтика сюрреализма в романе Игоря Холина характеризуется ключевыми для этого направления параметрами-константами: нарушением причинно-следственных связей; алогизмом, пронизывающим все модусы художественного текста (сюжетную канву, образное построение, родовую природу текста); сенсационностью, достигающейся языковыми и визуально-графическими экспериментами; а также применением техники «автоматического письма», потока сознания.

Библиографический список

1. Cardinal, R. Surrealism: Permanent Revelation / R. Cardinal, R. Short. – London : Studio Vista, 1970. – 167 с.
2. Горелов, О. С. Стихи Ю. Одарченко: к проблеме взаимодействий сюрреализма, сюрреалистического кода и сентиментализма // *Studia Litterarum*. – 2021. – № 1. – С. 250–265.
3. Двойнишникова, М. П. Поэтика абсурда в русской литературной традиции XX века (на материале лирики Г. Сапгира) / М. П. Двойнишникова // *Полилог*. – 2009. – № 2. – С. 55–58.
4. Кукулин, И. Холин прямосмотрящий / И. Кукулин // *Независимая газета*. – https://www.ng.ru/lit/2000-06-08/2_kholin.html (дата обращения: 13.03.2024).
5. Куликова, Е. Ю. «Я заблудился навеки...»: «сюрреализм» Н. Гумилева и А. Рембо / Е. Ю. Куликова // *Сибирский филологический журнал*. – 2015. – № 3. – С. 130–139.
6. Манифест сюрреализма. Андре Бретон // *contemporary-artists.ru*. – http://contemporary-artists.ru/Surrealist_Manifestos.html (дата обращения: 21.03.2024).
7. Орлицкий, Ю. Б. Сюрреализм / Ю. Б. Орлицкий // *Литература*. – 2001. – № 7.
8. Семьян, Т. Ф. Сюрреалистическая техника прозы Генриха Сапгира / Т. Ф. Семьян // «Лианозовская школа». Между барачной поэзией и русским конкретизмом. – М. : Новое литературное обозрение, 2021. – С. 364–386.
9. Холин, И. Кошки мышки / И. Холин. – Вологда : Библиотека московского концептуализма, 2015. – 365 с.